

УСИЛЕНИЕ АСИММЕТРИЙ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД И ВЫЗОВ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Колот Анатолий Михайлович,

проректор, зав. кафедрой управления персоналом и экономики труда ГВУЗ «Киевский национальный экономический университет им. В. Гетьмана»,
д-р экон. наук, профессор

Рассматриваются формы асимметрии в области социально-трудовых отношений, представлены факторы, дестабилизирующие социально-трудовую сферу. Обосновано, что для решения имеющихся социально-экономических проблем необходимо усиление социальной ответственности всех институтов и членов общества, в частности ученых. В качестве основного условия обеспечения устойчивой социальной динамики рассматривается формирование современного экономического мышления.

Ключевые слова: социально-трудовая сфера, формы асимметрии, неустойчивость социального развития, неравенство, социальная ответственность, экономическое мышление.

A. Kolot. STRENGTHENING OF THE ASYMMETRIES IN A SOCIAL-LABOUR SECTOR AS A MODERN TREND AND THE CHALLENGE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The asymmetry forms in the social-labour sector are considered, the factors which destabilize social-labour sector are presented. It's grounded that for the solving of the available social and economic problems it is necessary to strengthening of social responsibility of the all institutes and members of the society, in particular scientists. As a basic condition of provision of the steady social dynamics is considered the formation of modern economic thought.

Keywords: a social-labour sector, the asymmetry forms, the instability of social development, an inequality, a social responsibility, economic thinking.

На рубеже двух тысячелетий, несмотря на все трудности, противоречия, перманентные кризисные явления в области социально-экономического развития в целом и социально-трудовой сферы в частности, наблюдается определенная динамика. Однако она является далеко не той, какую ожидало человечество еще 10-15 лет назад. Парадокс и едва ли не основное противоречие, проявившееся на рубеже веков, заключается в том, что в то время, когда, казалось бы, экономика может наконец-то работать в интересах абсолютного большинства населения, имея для этого экономические, организационные, психологические, социокультурные предпосылки, мир, образно говоря, «перевернулся», — институты общества, экономики стали отодвигать человека на второй план, экономическая целесообразность все более берет верх над социальной направленностью. Асимметрии в экономическом и социальном развитии, неустойчивость в самом

широком ее понимании, десоциализация отношений в сфере труда, снижение социальной сплоченности, распространение социального отторжения — все это тренды, реальности начала нового столетия.

Отмеченное выше не является преувеличением. Непредубежденный анализ убеждает в том, что во всех сферах общественной жизни происходят глобальные, разновекторные изменения, которые касаются всех и каждого. При этом совершенно очевидным является растущее значение социальных последствий изменений. Справедливым считаем распространенное мнение о том, что именно социальные проблемы будут определяющими в новом столетии.

Действительно, и Украина, и мировое сообщество в целом пережили за последние 20 лет масштабные, многовекторные изменения, которые трансформировали едва ли не все составляющие социально-экономического бытия. Между тем, эти изменения так и не приблизили нас к стабильности, не придали социально-экономическому развитию устойчивой динамики, не устранили асимметрию экономических результатов, с одной стороны, и социальных завоеваний абсолютного большинства населения — с другой. Зато появились новые и углубились прежние риски, расширилось поле сегментов нестабильности, усилилась непредсказуемость последствий хозяйственной деятельности. Особенно наглядно динамика нестабильности, асимметрий в различных их проявлениях прослеживается на примере социально-трудовой сферы, в центре которой находится экономически активный человек и которая является институциональным пространством формирования, функционирования и развития социально-трудовых отношений, которые все больше приобретают признаки нездоровых.

Генеральный директор Международного бюро труда в докладе на 97-й сессии Международной конференции труда (2008 г.) отмечал: «Сейчас мир находится на перепутье с экономической, социальной и природоохранной точек зрения. С одной стороны, мы являемся свидетелями трансформационной мощности процесса экономической глобализации, которая открывает новые экономические возможности экономического роста благодаря технологиям, инвестициям и торговле. В то же время мы снова и снова ставим вопрос о качестве экономического роста и его последствий для окружающей среды, а также для социальной сплоченности и стабильности...»¹.

Подчеркнем, что экономико-политические дискуссии на предмет асимметрий в экономике в целом и социально-трудовой сфере в частности ведутся уже не один год. Однако их природа, риски, которые связаны с этим феноменом, большинством членов социума, как нам представляется, не осознаны надлежащим образом.

Проявления асимметрий как наиболее отличительного признака действующих моделей социально-трудовых отношений весьма многообразны, поэтому назовем основные из них: массовые случаи распределения результатов производства (доходов) не в пользу наемных работников; нарушения права наемных работников на

¹ Достойный труд: некоторые стратегические вызовы на будущее. – Женева, Международное бюро труда, 2008. – С.1.

достойные условия труда; невыполнение работодателями обязательств, предусмотренных трудовыми договорами (контрактами).

Вынуждены констатировать, что последний финансово-экономический кризис породил новые проблемы в развитии социально-трудовой сферы. Он сопровождался и продолжает сопровождаться следующими нарушениями со стороны работодателей:

➤ увольнения в связи с тенденциозно обоснованными причинами (неоднократное неисполнение трудовых обязанностей, несоответствие компетенций работника действующим требованиям по результатам аттестации);

➤ принуждение к увольнению по собственному желанию вместо увольнения по сокращению численности или штата с выплатой компенсации;

➤ одностороннее изменение условий трудового договора (снижение заработной платы, сокращение затрат на создание безопасных условий труда, принуждение к перезаключению трудового договора с бессрочного на срочный);

➤ невыплата или несвоевременная выплата заработной платы;

➤ неполный расчет при увольнении;

➤ введение атипичных графиков рабочего времени, отвечающих потребностям преимущественно работодателей.

Таким образом, речь идет о нарастании асимметричности прав и обязанностей, дисбалансе социальных расходов и выгод работодателей, с одной стороны, и наемных работников — с другой. В подобной ситуации наемные работники вынуждены пребывать одновременно в двух «мирах труда», в двух «измерениях». Первый мир — формальный, в котором действует оформленный трудовой договор, декларируются права человека труда, и второй — реальный, с его неформальными или полунформальными отношениями, действиями в обход или вопреки достигнутым договоренностям на этапе заключения трудового договора.

В обобщенном виде существуют следующие формы асимметрии в сфере социально-трудовых отношений:

— институциональная (несформированность институтов-норм и институтов-организаций, призванных устранить диспропорции в распределении рисков, неравенство прав и стартовых позиций и возможностей субъектов);

— экономическая (сознательное занижение трудового вклада и ущемление интересов при распределении доходов);

— социальная (неравенство социального положения, нарушения принципа социальной справедливости, углубление расслоения по уровню доходов и богатства, неравенство доступа к социальным благам, рост различий в качестве жизни);

— информационная (неравномерное распределение или искажение информации, наблюдающееся со стороны как работника, так и работодателя).

Следует подчеркнуть, что нарастание асимметрий в социально-трудовой сфере, проявлением которых является, в частности, снижение доли заработной платы в ВВП, — это не феномен отдельных стран, а скорее общемировая тенденция. Последняя охватила и наиболее развитые страны Европы. Так, в странах ЕС-27 доля заработной платы в ВВП сократилась с 59,6 % в 1995 г. до 57,1 % в 2007 г. Такое

сокращение еще разительнее было в странах, входящих в еврозону, у которых доля заработной платы в ВВП за этот же период сократилась с 59,4 до 55,8 %.

К числу основных характеристик асимметрий в социально-трудовой сфере следует отнести растущее неравенство (экономическое, социальное), прослеживающееся как в разрезе государств, регионов мира, так и внутри стран.

Подчеркнем, что неравенство, дифференциация людей по различным признакам (по уровню доходов, владению собственностью, доступу к разным благам, потреблению и т. д.) — это атрибут рыночной экономики. Собственно, движущие силы рыночной экономики: конкуренция, демонополизация, рыночные стимулы, мотивы и т. п. вызывают, предполагают и продуцируют неравенство. Вопрос в другом, какими должны быть границы этого неравенства. Правомерно утверждать о наличии нижней и верхней границы неравенства доходов, как и других его составляющих — потребления, богатства, доступа к разнообразным благам и т. п. Есть все основания согласиться с выводами известного польского экономиста Г. В. Колодко, который отмечает, что при значении коэффициента Джини ниже 0,25 неравенство, граничащее с уравниловкой, «работает» на снижение экономического роста, поскольку обуславливает низкую мотивацию к повышению производительности и активизации предпринимательской деятельности. «У меня нет сомнения, — отмечает этот авторитетный экономист, — что превышение значения коэффициента Джини, равного 0,35, также начинает действовать против экономического роста. В данном случае потому, что это усиливает ревиндикацию (стремление возратить утраченную собственность) доходов, порождает социальное напряжение и отвлекает внимание от концентрации на мерах, ведущих к увеличению доходов, провоцируя скорее борьбу за иное, чем сегодня их распределение. Абстрагируясь от морального аспекта чрезмерно разнящихся или, иными словами, несправедливо разделенных доходов, следует сказать: речь идет об исключительно прагматическом и чисто экономическом подходе к делу — чрезмерное неравенство оборачивается против экономического роста. Что интересно, дошло до того, что с некоторых пор такие взгляды выражает и Международный валютный фонд, а не только сторонники так называемой социальной рыночной экономики»².

Еще раз подчеркнем, что допустимый, оптимальный, общественно приемлемый уровень неравенства стимулирует экономический рост. В то же время чрезмерное, аномальное, общественно отторгаемое неравенство создает угрозы, антагонизирует, дезорганизует общество. Переход за «красную черту» — критический уровень неравенства — порождает фрагментацию социальной структуры общества, огромное количество автономных и изолированных друг от друга слоев и групп, подрывает уровень общественной солидарности и в результате приводит к социальной изоляции, отторжению различных категорий граждан из общественной жизни.

² Колодко Гжегож В. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Г.В. Колодко; вводная глава Р.Г. Гринберга. – М. : Магистр, 2011. – С.79.

Нельзя не акцентировать внимание на негативном влиянии роста социально-экономического неравенства на объем и структуру потребительского спроса. Так, чем выше неравенство, тем ниже спрос потребителей при тех же совокупных доходах населения. При этом большая часть населения вынуждена снижать затраты относительно своих реальных потребностей. Возрастает также часть населения, которое, достигнув определенного уровня удовлетворения спроса на традиционные товары и услуги, переключает свои доходы на накопление и потребление эксклюзивных товаров. Такая структура использования денежных ресурсов отрицательно влияет на формирование совокупного спроса на отечественные товары, который снижается и нередко существенно.

История учит: неравенство, которое переступает допустимую грань, «зашкаливает», рано или поздно приводит к возникновению катаклизмов, к революциям и бунтам. Существуют и другие проявления, или формы, реакции на аномальное неравенство — апатия, самоизоляция, скрытый бойкот, сознательное отстранение, не открытый, а скрытый саботаж и т. д. Как создать мотивы, стимулы, мобильность, конкурентоспособность, активность через институт неравенства и не довести его [неравенство] до состояния, когда снижается чувство справедливости, доверия, сплоченности, — в этом, собственно, и состоит искусство управления общественным развитием.

Обратим наше внимание, что в последнее время не только Украина, но и большинство стран столкнулись с углублением неравенства, в том числе очевидными различиями в уровнях заработной платы. Это касается и стран ЕС-15, в которых неравенство в доходах населения в целом и работников в частности традиционно оставалось низким.

Свидетельством интенсивного роста неравенства в распределении доходов в мировом измерении являются следующие факты. Иностранные специалисты в 2004 г. по заказу Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации завершили исследование, которое предусматривало обобщение публикаций, научных трудов, изданных за последние годы³ и посвященных влиянию глобализации на социальное развитие. Результаты исследования по вопросу влияния глобализации на распределение доходов отрицают гипотезу, выдвинутую лауреатом Нобелевской премии в области экономики Саймоном Кузнецом. В частности, Кузнец в середине 1950-х годов утверждал, что неравенство доходов сначала увеличивается по мере роста среднедушевого ВВП, достигает пика при среднем уровне доходов, а затем уменьшается в промышленно развитых государствах. Упомянутое исследование убедительно доказывает, что глобализация углубила неравенство в доходах как внутри стран, так и между ними.

Целесообразно сослаться на исследование, проведенное американскими учеными Корниа и Кийски, построенное на данных, собранных за двадцать лет в 73 странах, на которые приходится более 4/5 от мирового населения и ВВП. Приведем лишь общие выводы. За последние двадцать лет неравенство в доходах углубилось в

³ Авторы исследования Бернард Г. Хантер и Рольф ван дер Хойвен.

2/3 этих государств. В исследовании отмечается, что традиционные причины неравенства не способны объяснить резко растущее расслоение по уровню доходов. По мнению Корниа и Кийски, такая тенденция, вероятно, связана не со сдвигами во внедрении новых информационных технологий, а с ослаблением внутреннего регулирования и внешней либерализацией⁴.

Во многих странах мира широкой критике подвергается интенсивный рост доходов работников высших управленческих звеньев. Канцлер Германии Ангела Меркель в одном из выступлений в 2008 г. заявила, что беспрецедентный рост вознаграждений чиновников и руководителей высшего звена может «поставить под угрозу социальную сплоченность». Такое заявление активизировало дискуссию в Германии относительно того, какой должна быть общественно приемлемая дифференциация доходов низко- и высокооплачиваемых категорий работников. О значительном повышении за последние годы заработной платы и других денежных выплат руководителей высшего звена свидетельствуют следующие факты. Во Франции, например, размеры вознаграждения высшего менеджмента французской фондовой биржи CAC-40 в 2007 г. выросли в среднем на 58 % вследствие необоснованного увеличения акционерных опционов. Приблизительно такое же повышение объемов компенсационных пакетов у высшего руководства компаний зафиксировано и в Нидерландах.

В одном из научных трудов лауреат Нобелевской премии в области экономики 2001 г. Дж. Стиглиц обращает внимание: «В период 90-х годов общее вознаграждение глав американских корпораций вышло из-под влияния привычных экономических сил. Их бонусы взлетели до невиданно высоких уровней, пренебрегая всеми экономическими законами. ... В 2000 году главы американских корпораций получали в 500 раз выше заработной платы в сопоставлении с оплатой труда среднестатистического наемного работника»⁵.

Учитывая растущие асимметрии в социально-трудовой сфере, Дж. Стиглиц делает вывод, что центральной проблемой современных экономик является задача обеспечения общности интересов. И далее Стиглиц обращает внимание на открытость вопроса: можно ли достигнуть общности интересов в условиях невиданного до сих пор расслоения населения по уровню доходов, которое охватывает большинство стран мира (с незначительными вариациями в зависимости от модели социального устройства, которой придерживается конкретное государство).

Примеры невероятного роста вознаграждений топ-менеджеров стали объектом обсуждения широкой общественностью в период последнего финансового кризиса. В мировой прессе высвечивалось немало фактов, когда финансовые ресурсы, выделенные правительствами для поддержки отдельных субъектов, прежде всего банков, направлялись на выплату щедрых бонусов и других видов вознаграждения руководителям высшего звена управления. Такие тенденции шокировали

⁴ Международный обзор труда. — М., 2006. — Т. 143. — № 1—2. — С. 20.

⁵ Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала / Дж. Стиглиц. — М. : Современная экономика и право, 2005. — С. 173.

общественность и дали толчок к введению правительствами европейских стран определенных мер, включая налоговые санкции, направленные на обуздание галопирующего роста вознаграждений топ-менеджеров⁶.

Вынуждены констатировать, что в Украине глубина и масштабы неравенства, бедности, пропасть между богатством и бедностью, весь спектр проблем, порожденных либо продуцированных асимметрией развития социально-трудовой сферы, являются более значительными и сложными в решении, чем в экономически развитых странах.

Нельзя не акцентировать внимание и на том, что действующие механизмы формирования и перераспределения доходов в Украине созданы и работают в интересах граждан с высокими доходами, так как большая часть совокупного прироста доходов фактически направляется на увеличение доходов состоятельных граждан. Существующий формат развития социальной политики продуцирует аномальные явления, когда неравенство и концентрация доходов богатых увеличиваются, а деформированные распределительные механизмы не позволяют сократить масштабы и глубину бедности даже в условиях экономического роста.

Постоянное утверждение властных структур: «Сначала рост, а затем распределение», — находило бы понимание и поддержку у большинства работающих по найму при условии, что этот тезис распространялся бы на всех участников социально-трудовых отношений и субъектов рыночной экономики. В целом же данное утверждение является сомнительным в условиях, когда в Украине разрыв между богатством и бедностью только увеличивается. Как и в предыдущие годы наблюдаем максимизацию экономически необоснованных и социально неоправданных доходов провластных социальных групп, топ-менеджмента, источником которых является не реальный экономический рост, повышение конкурентоспособности, бережливое производство, а административно-приватизированные ресурсы, перераспределение общественного продукта, которое осуществляется на пользу отдельных социальных групп.

Форсированный рост высоких доходов происходит на фоне, когда доходы богатых подпадают под меньшее налоговое бремя, поскольку большая часть их доходов складывается не в форме заработной платы, а как дивиденды, проценты и т. д., которые облагаются налогом по более низким ставкам или вообще им не облагаются.

Как уже отмечалось, пропасть между богатством и бедностью, неравенство в наиболее широком его понимании в Украине намного выше по сравнению с ситуацией, сложившейся в развитых государствах и даже в мировом измерении в целом. Если в государствах Европейского Союза положение 10 % наиболее богатых и 10 % наиболее бедных отличается в 5—8 раз, то в Украине богатые и бедные (10 и

⁶ *Thorhill J. Accent on egalite: Europe loses patience with its wealthy elite* / J. Thorhill , R. Milne and M. Steen // *Financial Times, FT. Com.* — 2008 — 8 June.

10 %) по своему положению отличаются в 29 раз⁷. Такое общество априори не может быть ни социально сплоченным, ни устойчивым.

В условиях аномальной имущественно-доходной дифференциации общества и беспрецедентного экономического и политического влияния олигархических кланов на формирование и реализацию социальной политики разговоры о «социальном государстве», «социальном бюджете», «социальном диалоге» приобрели все черты социальной демагогии. Следует обратить внимание, что без перестройки распределительных механизмов в направлении разумного ограничения роста высоких доходов с использованием потенциала экономико-правовых мер невозможно сократить недопустимое неравенство, уменьшить уровень бедности и создать условия для устойчивого социально-экономического развития. Следовательно, не принижая роли ресурсной составляющей социальной политики, необходимо существенно усилить потенциал ее институционального компонента.

Свидетельством углубления асимметрий в социально-трудовой сфере является расширение поля дискриминаций по отношению к наемным работникам. Проблеме дискриминации в сфере труда уделено значительное внимание в докладе Генерального директора Международного бюро труда на 100-й сессии Международной конференции труда (2011)⁸. Так, в докладе говорится, что дискриминация в сфере труда продолжает оставаться устойчивой и разнообразной.

По многим характеристикам можно сделать вывод, что дискриминация в социально-трудовой сфере перестает быть исключением, а становится правилом. «Одной из основных проблемных областей, — говорится в докладе, — является доступ к рабочим местам. Продолжает расти процент работников, которым грозит бедность, теряются положительные тенденции, которые наблюдались за последние несколько лет»⁹. И далее: «В период кризиса неравенство, незащищенность и угроза социальной изоляции усиливаются прямой или косвенной дискриминацией. Отношения подпадают под ее влияние и сложнее становится ужесточать меры и дорабатывать законодательство, направленное на ее устранение. Дискриминация возникает в результате действий работодателей, применения национального законодательства и практики, влияния социальных и культурных факторов, а также различного понимания причин экономических и социальных проблем. В то же время связь между недопущением дискриминации и социальной стабильностью наиболее важно в период сложных экономических обстоятельств»¹⁰.

Факторы, дестабилизирующие социально-трудовую сферу в мировом ее измерении и вызывающие многочисленные асимметрии в ней, носят как объективный, так и субъективный характер. Наиболее значимыми среди них являются:

⁷ Геоэкономічні сценарії розвитку і Україна : монографія / [М.З. Згуровський, Ю.М. Пахомов, А.С. Філіпенко та ін.]. — К. : Академія, 2010. — 328 с.

⁸ Равенство в сфере труда: вызов сохраняется. Доклад Генерального директора. — Женева : Международное бюро труда, 2011.

⁹ Там же – С. IX.

¹⁰ Там же – С. IX.

- ✓ глобализация мировой экономики и рост открытости национальных экономик;
- ✓ трансформация в сторону ухудшения возрастной структуры населения в целом и экономически активного в частности;
- ✓ либерализация социально-экономической политики, частью которой является так называемый *экономоцентризм*;
- ✓ замедление темпов экономического роста;
- ✓ снижение роли социального диалога в оптимизации отношений между ведущими социальными силами;
- ✓ трансформация института занятости и разновекторность изменений на рынке труда;
- ✓ низкая, неадекватная реальным потребностям роль государства в обеспечении устойчивого развития социально-трудовой сферы.

Также подчеркнем, что одной из основных причин асимметрии в развитии социально-трудовой сферы является недостаточное научное обеспечение данной проблематики, несформированность современного экономического мышления и мировоззрения у многих членов социума.

Сомнительным является утверждение директора Института открытой политики (г. Киев) М.В. Довбенко, что кризис экономики — это не кризис науки, и последняя имеет достижения, а неудовлетворительная хозяйственная практика — это следствие «...непонимания экономической теории и элементарного пренебрежения ее положениями»¹¹. Считаем, что практика хозяйствования и экономическая теория находятся в сложном диалектическом единстве, и нередко экономика не способна выйти на новую орбиту устойчивого развития именно из-за дефицита инновационных идей и научных разработок теоретико-методологического характера.

Не следует обходить вниманием одну из проблем современности — переполнение научного пространства традиционными, пассивными, не ориентированными на завтрашний день исследованиями. Социально-трудовые науки фокусируют внимание на традиционных концепциях и теориях, пытаются объяснить процессы реальной жизни тем инструментарием и методическим багажом, которые сложились много лет назад. Член-корреспондент НАН Украины В.Д. Базилевич обращаясь к этой же проблематике справедливо отмечает: «...отечественная экономическая теория, как и её адепты, пребывают в парадигме столь знакомой классической методологии. В монографиях, диссертациях, статьях, дискуссиях по проблемам методологии встречаем те же «онтологический» и «гносеологический» подходы, актуальные в диалектиках дискуссиях полвека назад, ту же «диалектику», «диалектическую взаимосвязь», «объективные законы» и т.п. Такое впечатление, что никто и не почувствовал ни цивилизационных перемен, ни «тектонических» трансформаций философского знания, ни изменения типов научной рациональности, ни самой сущности эпохи, «пост», в которой мы живем. Это эпоха Постмодерна, в

¹¹ Довбенко М.В. Криза економіки – не криза науки : монографія / Михайло Довбенко. – К. : Академія, 2009. – С. 3.

которой не работают старые теории; центральное место принадлежит не объективности, а человеку, то есть субъективности. Это новая парадигма мышления и новая система ценностей, от которой зависит выбор признаков нашего времени»¹².

При доминирующем в обществе экономическом мышлении, воспроизводимом в том же нежелательном формате, добиться прорыва в развитии экономики и общества, обеспечить устойчивость, динамизм, инновационность крайне проблематично. Общество нуждается не то чтобы в ином прочтении, а в другом видении, в другом понимании, в ином осмыслении многих так называемых *вечных постулатов*. Один из них звучит следующим образом: экономика первична, а социальная сфера, социальное развитие — вторичны, производные — это суждения далекого прошлого, которые сознательно или бессознательно привнесены в XXI век. Наличие подобных суждений означает только одно: экономическое мышление, доминирующее до сих пор в этой области и проявляющееся на практике, сформировано у многих членов общества, включая и ученых, на псевдонаучных трактовках непроизводительного, непродуктивного, исключительно затратного характера социальной сферы.

Совершенно очевидно, что баланс экономических возможностей и затрат на социальное развитие необходимо соблюдать. Прежде чем распределять, следует производить. И это является аксиомой. Однако принципиально важным остается поиск ответа на вопрос: ради кого и ради чего организуется производство, осуществляется экономическая деятельность и должен достигаться экономический рост; далее — от чего должны отталкиваться при разработке общей политики — общественных потребностей социума или потребностей так называемой *властвующей элиты*; как трактовать вложения в социальную сферу — непроизводительные расходы или социально значимые инвестиции; или может ли оставаться социальная компонента второстепенной в условиях, когда магистральным направлением прогресса цивилизации становится развитие «экономики знаний» и знания на 60 % и более должны наполнить стоимость конечного продукта; можно ли и впредь руководствоваться традиционными представлениями о взаимосвязи экономического и социального развития, утвердившимися в эпоху индустриализма, а реальностью являются разительные изменения в структуре активов хозяйствующих субъектов в пользу нематериальных, и львиная доля последних приходится на человеческий капитал, формируемый преимущественно в социальной сфере.

Учитывая, что на современном этапе развития человек приобретает черты носителя наиболее мощного, наиболее производительного капитала, которым является человеческий, одновременно сохраняя статус цели производства, социальное развитие окончательно утрачивает черты вторичности по отношению к экономическому развитию. В государстве социального типа, в обществе, в котором человека рассматривают и как фактор, и как главную ценность, и как цель социально-экономического развития, экономическая политика должна позиционироваться исключительно в качестве составляющей социальной политики, а не наоборот.

¹² Базилевич В.Д., Ильин В.В. Книга, которую стоит читать // Экономическая теория. – 2012. - №1. – С. 106.

Не можем не обратить внимание и на то, что неустойчивость социально-трудовой сферы, перманентные кризисные явления, массовые проявления десоциализации и распространение асимметрий в области экономического и социального развития, необходимость приобретения конкурентных преимуществ не оставляют иного варианта решения имеющихся социально-экономических проблем, как усиление социальной ответственности всех институтов общества, его членов и не в последнюю очередь ученых. Имплементация социальной ответственности в общую систему общественного развития требует как соблюдения законов, традиций, так и главного — высокой общей культуры и нравственности субъектов социально ответственного поведения. В этом контексте следует заметить, что именно ученые должны чувствовать и реально проявлять повышенную социальную ответственность.

Убежден, что экономическая наука в лице ее представителей могла бы сделать на порядок больший вклад в формирование современного экономического мышления. Однако она оказалась не готовой ответить на современные вызовы и полноценно выполнять свою социальную миссию. Целиком разделяем мнение известного российского экономиста, активно развивающего теорию философии хозяйства Ю. Осипова, который отмечает, что «...экономическая наука оказалось предметно зажатой в рамки ограниченных парадигмальных установок: во-первых, труд (человек) — предмет труда (природа, материал) — орудие труда (инструменты, механизмы, машины) — продукты труда (блага); во-вторых, производство — обмен — распределение — потребление (благ, конечно же); в третьих, вложение (денег, капитала) — доход (денежный); в-четвертых, производство — рынок — потребление, или же рынок производства — рынок обмена — рынок потребления. Причем все это рассматривалось по преимуществу как материальный, механизменный, технологический, операциональный процесс — как собственно фабричный процесс, когда все производящее и даже потребляющее общество представлялось науке не чем иным, как *фабрикой*.

Экономика — фабрика, но в отличие от обычной технофабрики, она еще и необычная социальная фабрика, в рамках которой как раз и вершатся капитальный и товарообменный процессы».¹³

Место социальной фабрики в экономической системе, ее роль, взаимозависимость и соотношение с фабрикой экономической — эти и другие простые за постановкой вопросы все еще остаются неубедительно разъясненными, обоснованными с научных точек зрения различными современными экономическими теориями. Вынуждены констатировать, что даже теория социальной политики — «святая святых» обеспечения устойчивой социальной динамики — все еще зиждется на «отрывках» различных экономических теорий, более на мифах, чем на методологически выдержанной научной основе.

Имеются все основания утверждать, что главной проблемой социально-трудовой сферы является даже не деформированные отношения, функционирующие

¹³ Осипов Ю.М. Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008. – С. 16.

на поле данной сферы, что является и реальностью, и существенным препятствием на пути к устойчивому развитию, а несформированность современного мировоззрения, деградация моральных ценностей, неосознание многими и политиками, и представителями научного корпуса современных источников развития экономики, их структуры, иерархии, диалектики; роли и места человека в условиях становления постиндустриальной экономики.

Один из выдающихся экономистов современности, лауреат Нобелевской премии (1998 г.) Амартия Сен по поводу последнего пишет: «Экономическая теория претендует на то, что она описывает реальных людей. Сложно представить себе, что на реальных людях никак не отражается сфера самопоглощения и самопознания, что исходит от сократовского вопроса «для чего ты живешь?» — вопроса, который является также, как недавно отмечал Бернард Уильямс, мотивационным центром для этики. Могут ли люди, которых изучает экономическая теория, действительно быть настолько бесчувственными к этому вечному вопросу и придерживаться исключительно того примитивного практицизма, что приписывает им современная экономическая теория?»¹⁴.

В обществе должно утвердиться новое научное мышление в отношении взаимосвязи, подчиненности, взаимообусловленности экономического и социального развития. Полностью разделяем мнение известного украинского ученого-экономиста А. Гальчинского, который утверждает: «Если по традиционной схеме научных канонов индустриального общества социальное детерминируется экономическим, то сейчас очевидным становится неадекватность данной взаимозависимости. В постиндустриальном обществе экономическая и социальная сферы фактически поменялись местами. Экономика сама по себе стала непосредственной составляющей социальной сферы, которая не только поглощает ее результирующую основу, но и определяет большую часть энергетического потенциала, ее ресурсную базу, границы роста и развития»¹⁵.

Поэтому чрезвычайно важно освободиться от бремени устаревших теоретических представлений о взаимосвязи и взаимодействии экономической и социальных сфер, экономической и социальной политики, от взгляда на социальную сферу как сугубо затратную. Не следует забывать, что любая догма приводит к застою, постановке ложных целей, принятию ошибочных решений, и все реформаторские условия при этом теряют смысл. Экономическая наука доказала и подтвердила практикой, что экономический и социальный прогресс, экономическое и социальное развитие согласуются и имеют одновекторную динамику тогда, когда экономические достижения сопровождаются социализацией общественных отношений и когда такая социализация имеет проявления прежде всего в социально-трудовой сфере и затрагивает интересы абсолютного большинства экономически активного населения.

¹⁴ Сен А. Об этике и экономике. – М.: Наука, 1996. – С. 16.

¹⁵ Гальчинський А. Економічна методологія. Логіка оновлення: Курс лекцій. — К. : АДЕФ-Україна, 2010. – С. 10.

Взгляды ученых, в частности ученых-трудовиков, следует обратить в будущее, что нередко в современный период отсутствует. Сошлемся на высказывание всемирно известного основателя современной теории управления Питера Друкера, который в середине 1990-х годов акцентировал внимание на том, что «... следующее столетие уже наступило... Мы все еще не знаем ответов, нам понятны только вопросы... Нынешние реалии отличаются от тех, на которые все еще обращают внимание политики, ученые, бизнесмены и профсоюзные деятели и которым все еще посвящаются книги»¹⁶. Спустя два десятилетия можем лишь подтвердить опасения П. Друкера и с сожалением констатировать, что люди с существующим экономическим мировоззрением продолжают игнорировать реалии и предлагают рецепты развития для условий, корни которых остались в прошлом.

Мы убеждены в том, что достичь устойчивой динамики развития социально-трудовой сферы невозможно без «переформатизации» существующего экономического мышления, без нового видения источников и иерархии факторов общественного развития, без глубокого осознания диалектики экономической и социальной динамики. И такая переформатизация касается многих членов социума, включая политическую элиту. Иными словами, для того чтобы жить по-другому и чтобы достичь качественно нового уровня благосостояния абсолютного большинства граждан, необходимо научиться мыслить иначе.

И в заключение следует отметить, что в систематизированном виде предложения автора по преодолению асимметрий в социально-трудовой сфере описаны в монографиях, изданных за последние годы¹⁷.

¹⁶ Друкер П.Ф. Новые реальности / Питер Ф. Друкер. — М.: Бук Чембер Интернэшнл, 1994. — С. 7.

¹⁷ Соціальна відповідальність: теорія і практика розвитку : монографія / [А.М. Колот, О.А. Грішнова та ін.] ; за наук. ред. д-ра екон. наук, проф. А.М. Колота. — К. : КНЕУ, 2012, 504 с.; Соціалізація відносин у сфері праці в контексті стійкого розвитку : монографія / [А. М. Колот, О. А. Грішнова, О. О. Герасименко та ін.] ; за наук. ред. д-ра екон. наук, проф. А. М. Колота. — К. : КНЕУ, 2010. — 348 с.; Соціально-трудова сфера: стан відносин, нові виклики, тенденції розвитку : монографія / А.М. Колот. — К. : КНЕУ, 2010 — 251 с.